

Елизавета Г. Малиновская

Репрессированные польские архитекторы в Казахстане

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 2, 277-285

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
 Польша – Россия: Искусство и История
 Том II

Елизавета Г. Малиновская
 Картинная галерея ARK, Алматы

Репрессированные польские архитекторы в Казахстане

В советской науке долгое время существовали определенные теоретические схемы трактовки этапов развития отечественного зодчества, в которые не вписывались темы, связанные с теневой страницей отечественной истории – тоталитаризмом. Интерес к пересмотру явлений, которые носили обобщенное название „сталинская архитектура”, проявился с перестроечного времени, но в контексте чисто профессиональных аспектов. Лишь в середине 2000-х годов появились публикации по теме репрессий.¹

Начало исследований истории репрессий в системе архитектуры, предпринятым автором, датируется 1983 годом; они осуществлялись параллельно основным изысканиям, посвященным сугубо философско-теоретическим проблемам становления национальных школ XX века. По теме репрессий автор провела масштабную поисковую работу, не ставя специально перед собой научной или иной цели. Движима была чувством ответственности по отношению к обнаруженному материалу, исковерканным судьбам. Пройти мимо подобных свидетельств просто не могла – не позволяла совесть. Перво-

начально деятельность имела публицистический характер, вызвав значительный общественный резонанс вокруг первых статей, радио и ТВ программ.

Что важно, все это делалось до открытия архивов КГБ, со слов очевидцев и жертв террора. По данным фонда им. А. Д. Сахарова тема репрессий вышла из-под запрета в СССР в декабре 1989 года.² Когда возникла идея выставки *Реквием. Документальные и художественные свидетельства времени*, проведенной в Государственном музее искусств им. А. Кастеева (Алма-Аты)³ в августе 1989 года, мы, трое ее организаторов, совершенно не подозревали об этом.⁴ Экспозиция была воспринята неоднозначно: у многих зрителей был просто испуг. Но выставку, одну из первых в Советском Союзе, как оказалось, помнят по сей день.⁵ Тема репрессий

² „Толстые” журналы начали публиковать мемуары. Вышли первые сборники воспоминаний узниц ГУЛАГа.

³ В статье используются принятые в советское время названия городов, т.к. приведены события, публикации и архивные документы тех лет.

⁴ Выставка продлилась три месяца. О ней прошла информация по радиостанции Свобода.

⁵ В. А. Тиханова (Москва) в это время издала серию статей о репрессированных художниках.

¹ Беловол (2008); Слабуха (2004).

в архитектуре впервые в СССР была представлена автором в самостоятельном разделе этой выставки.⁶ Тогда совершенно отсутствовали публикации об архитекторах, период заключения которых долгие годы был просто прочерком в их биографиях, а сотни тысяч заключенных сами стали „прочерком” в отечественной истории.

Но довольно быстро для меня, как исследователя, стало очевидно, что восстановление биографий жертв сталинизма для истории архитектуры, в отличие от других сфер изучения последствий террора, явно недостаточно. Не устраивала и методика простого накопления фактологических данных. Определились контуры дальнейшей работы и концепция исследовательской деятельности, сформировавшая социокультурную специфику анализа материала. Для одной из первых в СССР конференций по истории репрессий, состоявшейся в Алма-Ате, автором статьи были подготовлены доклады, обозначившие методологически новые аспекты изучения собранного материала: „Социальные и этнокультурные последствия процесса „оседания кочевников” в Казахстане”; „Процесс Промпартии в казахстанской глубинке”; „Заговор строителей „Красной столицы” (Кзыл-Орда, 1928)”; „Репрессированная архитектура – сталинские новостройки, творчество и судьбы архитекторов, как одна из актуальных проблем переосмысления истории современной архитектуры”; „Вопросы источниковедения материалов по истории репрессий в архитектуре”.⁷

Материалы, введенные в научный оборот, позволили поставить вопрос о совершенно неизвестных, на тот момент, аспектах изучения истории отечественной архитектуры. Впервые озвученные сведения ужасали правдой о строительстве сталинских городов-новостроек, промышленных поселков, которые долгие годы воспринимались как данность советской архитектуры. Было введено совершенно новое для науки понятие „Проектные отделения в лагерях” (история, имена, судьбы архитекторов).

Итогом изысканий и исследовательской деятельности тех лет стала экспозиция первой

в Советском Союзе выставки *Репрессированная архитектура – сталинские новостройки, творчество и судьбы архитекторов* в Союзе архитекторов Казахстана (май 1992). Она была подготовлена самостоятельно в полном объеме масштабной работы, на основе публикаций и личного архива. Выставка вызвала большой интерес – телепрограммы, статьи в казахстанских и московских газетах.⁸

Собранные материалы и в последующем использовались автором в статьях, монографиях, докладах международных конференций, в частности, на Всемирном конгрессе (Москва).⁹ Выступила с сообщением по рукописи книги в Государственном институте искусствознания, получив одобрение коллег (Москва, январь 1993). Сведения о репрессиях в строительных организациях двух казахстанских столиц – Кзыл-Орды и Алма-Аты – в 1920-е годы введены автором в фундаментальные издания по истории архитектуры республики XX века.¹⁰

Вся эта работа, не претендуя на полноту представленного материала, была попыткой заполнить имеющиеся лакуны в архитектуроведении, восстановить забытые имена, искаженные данные. Бесценны сведения из переписки; семейных документов, оставшихся после арестов. Многие дали беседы с тогда еще живыми очевидцами, самими репрессированными, их близкими, коллегами. Такого рода „живая” информация отсутствовала в госархивах. Благодаря постраничной проработке подшивок республиканской периодики в ленинской библиотеке автор смогла воссоздать социокультурную ситуацию, в контексте которой стало возможным в определенной мере визуализировать то время и его жертв. Совершенно очевидно, что без правды о своеобразных зонах умолчания, сложившихся по отношению к проектно-строительной практике 1920–1950-х годов, невозможно говорить об объективной картине развития советской архитектуры.

В 1931 году Сталин уделил особое внимание дореволюционным ученым. Небезынтересно процитировать размышления вождя: „Мы разбили и с успехом преодолеваем капиталистические элементы города и деревни... Конечно, это

⁶ На протяжении более чем двадцати лет автором публиковались материалы с целью реабилитировать архитекторов творчески (научные, популярные статьи, доклады). Малиновская (2011: 276–314).

⁷ История репрессий (1991: 5, 7, 10, 12).

⁸ Адельгужин (1992: 2); Грунин (1992); Проскурин (1992: 3); Чегодаева (1993: 5).

⁹ Малиновская (2004: 200–205).

¹⁰ Малиновская (2006: 143–149).

не может радовать старую интеллигенцию. Если в период разгара вредительства наше отношение выражалось, главным образом, в политике разгрома, то теперь наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней”¹¹

Алма-Ата еще до революции славилась как место ссылки. В 1920–30-е годы город был переполнен уникальными личностями – А. В. Чаянов, Ю. О. Домбровский и многие другие. Как в Гайд-парке, недолго, но ораторствовал с табуретки Л. Д. Троцкий в парке Федерации. Город оказался местом своеобразной пересылки – проще было присматривать за неблагонадежными. Большинство из них вскоре вновь арестовали: „...через Особое совещание должны проходить дела о так называемых „пересмотрах” – в отношении политиков (политзаключенных), срок которых истек, и нужно давать новые ограничения... Основанием к такой мере защиты служит не новое преступление, а убеждение, что это лицо может совершить его, так как оно по личным своим качествам является весьма активным... Таким образом, совершенно естественно создается определенный круг лиц, находящихся в ведении СГПУ”¹²

В истории отечественных репрессий этот период „привлечения и заботы” оставил менее кровавый след, чем 1936–1937 годы. Но для судеб тысяч людей произошедшее оказалось страшным переломом, повлекшим последующие аресты, ссылки. Любыми устными свидетельствами, полными суровой правды, письмами пострадавших и их близких, друзей, что удалось найти, нельзя пренебрегать. А кропотливый процесс поиска не только расширил профессиональный и человеческий кругозор, вводя в орбиту знакомства с новыми людьми и их судьбами, но и заставил по-новому взглянуть на то, что еще вчера не вызывало сомнения.

Архитектурный облик столицы Казахстана „Большой Алма-Аты”, как называли города-новостройки, складывался в 1930-е годы при активном участии архитекторов Центра. Это объясняет масштабы строительства новой казахстанской столицы, в которую меньше чем за десятилетие превратился провинциальный

городок, застроенный „одноэтажными домиками с деревянными ставнями наружу, резными карнизами и тенистыми помещичьими крылечками”, как писали Ильф и Петров об открытии новой ветки Турксиба. Была заложена структура новой столицы; создана сеть разнообразных сооружений: крупных административно-правительственных и промышленных зданий; больниц, столовых, детсадов, школ, вузов; санаториев, электростанций, водопровода и т.д. По благоустроенным улицам был пущен электрический и автотранспорт. Вечерами засветились окна „звукового кино”, громадного Дворца культуры.

Современники восторженно удивлялись размаху строительства, технической вооруженности. О триумфально быстрых темпах, самоотверженном труде ударников, сданных в строй метрах и объектах, подобно фронтовым сводкам, ежедневно рапортовали городские и республиканские газеты. Самые крупные объекты – Дом правительства, Госбанк, Главпочта, комплекс зданий ГПУ, жилье для „специалистов” и „стахановцев” – контролировались „отделом особого строительства” ПП ОГПУ. Однако тогда никто не знал (и по сей день не знают), что каждый крупный объект был небольшим концлагерем, скрытым от горожан за высоким забором. Изнанкой достижений был тяжелый подневольный труд прибывших из лагерей заключенных и спецпереселенцев. Семьи „раскулаченных” и „баев” жили, работали и погибали от болезней, голода на этих стройках.

Местные проектные организации также подключились к проектированию города.¹³ По направлению наркоматов – „архитектурная помощь периферии” – прибыли квалифицированные проектировщики, конструкторы, выпускники вузов. Но этого было недостаточно. В проектных мастерских Горсовета и Казгорпроекта в начале 1930-х годов работало немало сосланных из Москвы, Ленинграда, в частности, по процессу мифической Промпартии. Тем не менее, в проектных организациях шли постоянные аресты, для некоторых – не по первому разу. Офицеры госбезопасности молча входили и в общей тишине, обыскивали и уводили людей, к ужасу окружающих (илл. 1).

¹¹ Сталин (1951: 51–80).

¹² Из речи П. А. Красикова, Прокурора Верховного Суда СССР, 1925 год.

¹³ В паутине (1930).

Илл. 1. Коллектив Казгорпроект, фотография 1930-х годов

Поляка В. Ю. Маистрацкого сослали в Алма-Ату из Владивостока. В памяти сотрудников он остался как обаятельный, веселый человек. В профессиональном отношении был очень знающим и грамотным проектировщиком. Участвовал в проектах многих крупных сооружений тех лет вместе с небольшим, но дружным коллективом интеллигентных и образованных людей, запечатленных на фото тех лет, фоном для которого стали чертежи строящегося – о, зловещая ирония времени! – клуба-театра ГПУ.

В 1941 году „за разговоры” В. Ю. Маистрацкого вновь арестовали вместе с техником-конструктором А. И. Колывановым (для него также повторно), этапировав их на 10 лет в Карлаг. В заключении В. Ю. Маистрацкий работал в „Проектном отделении” на строительстве объектов, которые выполняли зеки. Характер у него по-прежнему был неунывающий, что расценивалось как дерзость; за это ему добавили срок, отправив этапом в Карелию. Несмотря ни на что, остался жив. После заключения приезжал в Алма-Ату, как было принято, в тот город, где

был арестован, чтобы оформить документы. Закончил жизнь в Эстонии (илл. 2).

Трагично сложились обстоятельства и для архитекторов, приехавших по приглашению правительства республики. Одним из них был Ян Станкевич (Иван Игнатьевич, русский, родился в Польше, 1902–31. 01. 1938). Как вспоминали коллеги, это был блестяще подготовленный, очень талантливый архитектор. В свое время он окончил институт в Варшаве. По направлению Наркомата коммунального хозяйства в 1934 году прибыл в Алма-Ату вместе с выпускниками ленинградских институтов Е. Борисенко, В. Капланом, прикомандированными к проектным мастерским Горсовета.

В Алма-Ате Я. Станкевич участвовал в конкурсах на здания Дворца пионеров, летнего кинотеатра. За короткий срок он подготовил немало осуществленных проектов: жилые дома, институты, Дом отдыха Совнаркома (1936). Архитектура здания – с соляриями и террасами, легкого раскрытого солнцу, природному окружению красивейшего уголка предгорий

Тянь-Шаня – удачно сочетает классические приемы с конструктивной логикой деталей (илл. 3).

Ян Станкевич принимал участие в кампании по всеобучу, подготовив проект школы (автор одного из двух типовых проектов, повторенных несколько раз в ансамбле центрального района) и здания общежития мединститута, характеризующихся, как того требовало время, прекрасным знанием классического наследия и его талантливой стилизацией. Сооружения Я. Станкевича, одни из лучших в центре города, отличает высокий профессионализм, эстетика классицизирующих деталей (илл. 4).

Я. Станкевича арестовали 3 декабря 1937 года. Незадолго до этого прошел конкурс на лучший проект жилого дома. Второе место занял его проект под девизом „Беркут”, отдавая дань фольклорной специфике Казахстана. За эмблему архитектор и был арестован. В доносе она преподнесена, как „орел с герба панской Польши”, в симпатиях к которой Я. Станкевича обвинила тройка УНКВД, приговорив к высшей мере наказания – расстрелу.

Проект осуществили, назвав „Дом стахановцев”. Бригаде проектировщиков вручили грамоты правительства. Имя же автора оставалось неизвестным долгие годы. В дальнейшем, частично изменив фасады, проект использовали

Илл. 2. В. Ю. Маистрацкий

Илл. 3. Я. Станкевич, дом отдыха Совета народных комиссаров, 1934, проект

Илл. 4. Я. Станкевич, общежитие мединститута, перспектива, 1935, проект

Илл. 5. Я. Станкевич, реконструкция дореволюционных зданий, 1934

в нескольких зданиях. Завершили и строительство жилкомбинатов №№ 2, 3, запроектированных Я. Станкевичем.

Интересна и другая история, связанная с Я. Станкевичем, которая постепенно прояснила представление, казалось бы, о хорошо известном сооружении. Облик здания канцелярии губернатора, до недавнего времени, пребывавшего в списках памятников культуры республики, всегда считался первоначальным. История реконструкции, выполненной по

проекту Я. Станкевича, была неизвестна даже историкам национальной архитектуры. С переездом столицы республики в Алма-Ату в 1928 году возникли сложности с размещением административных объектов. Я. Станкевич предложил сделать реконструкцию дореволюционных смежных особняков, объединив их вставками по принципу павильонов, с достройкой нового объема на один этаж. Были реализованы только два проекта, но они позволяют судить об оригинальности и простоте замысла. Расположенные поблизости, в соседних кварталах, перестроенные сооружения представляли органичный ансамбль. Архитектор применил классицизирующие декор, детали: портик главного фасада, консоли, карнизы, венчающий и межэтажные пояса (илл. 5).

Найденные автором материалы позволили выявить неизвестную до того сферу деятельности репрессированных архитекторов в «проектных отделениях лагерей». В Караганде, помимо коллективов проектных институтов, где трудились эвакуированные из Москвы и Ленинграда, существовал своеобразный «параллельный мир», о котором не подозревали проектировщики, историки архитектуры.¹⁴ Безусловно, заказы были связаны с нуждами системы самих лагерей. Перспектив реализации талантов, иногда недоюжных, совершенно не было.

Именно такая ситуация сложилась в печально известном каторжном Особлагере Степлаге, центром которого стал город Джезказган, еще одна из сталинских новостроек. Первые проектировщики прогнозировали, как оказалось, его утопическое будущее: город-сад¹⁵ с домами, трансформирующими объемные, функциональные характеристики кочевых жилищ, органичных с ландшафтом.¹⁶ Социалистическая реальность породила иную ситуацию обживания сурового края и архитектурную среду, далекую от первоначального замысла.

В связи с освоением джезказганских рудников началось «заселение» степей лагерями. Первая волна – раскулаченные, далее – полити-

¹⁴ После сделанного автором доклада в НИИ искусствознания (Москва) Т. П. Каждан сказала с удивлением: «Никто не знал, что в лагерях трудились наши коллеги». Как оказалось, находясь в эвакуации, она работала в проектно-институте Караганды.

¹⁵ Королев, Денисов (1938: 1).

¹⁶ Мостаков (1936: 2).

ческие заключенные, „бендеровцы” и простые сельские жители. В годы войны – перемещенные народы: калмыки, чеченцы, ингуши, болгары, карачаевцы, немцы, крымские татары, греки. Много было реэмигрантов, прибывших в СССР добровольно или переданных союзниками.

В Джезказгане был особый каторжный лагерь Степлаг, куда ссылали из других лагерей самых непокорных заключенных и нарушителей. В частности, известного писателя А. Солженицына. Одной из возможностей уцелеть было попасть на работу в проектное отделение. Помимо лагерных объектов там выполнялись проекты для города Джезказгана. В основном, малые архитектурные формы, оформление парка и т.д. Разве мог кто-то предположить, что среди заключенных проектировщиков были лидеры советской архитектуры? Конечно, нет. Все это свято сохранялось в секрете.

Одним из них был известнейший архитектор советского авангарда – Генрих Маврикеевич Людвиг (1893–1973, илл. 6). Человек – поистине ренессансного диапазона, только одной из составляющих которого была архитектура.¹⁷ Участвовал в Международных конкурсах, построил ряд сооружений в Турции по приглашению президента Ататюрка; изучал коллекции и архитектуру Ватикана, где вступал в теософские дискуссии с главой курии; публиковал статьи по истории культуры, мифологии. Он вывел закономерности развития мирового зодчества, подготовив обширное исследование *Морфогенезис*, увы, утраченное.

Знал более двадцати языков, включая немало древних, не коллекционируя их, но исследуя, чтобы понять динамику истории и мировой культуры. Преклонялся перед древними цивилизациями шумеров, этрусков, хеттов, говоря на их языках. Занимался этимологией в Кенгире, используя любой клочок бумаги для записей и картотеки. Автор самых причудливых и разнообразных изобретений (сказалось техническое образование, полученное в юности в Варшаве), в заключении он подготовил несколько очень перспективных предложений по перевооруже-

Илл. 6. Г. М. Людвиг

нию советской армии, от которых лагерное начальство просто отмахнулось.

Увлеченно рассказывал товарищам по лагерю о встречах с Лениным, Кагановичем, Сталиным, которым верили не все. Нестандартная личность во всех своих поступках и рассуждениях, в заключении он постоянно подвергался наказаниям. В 1943 году, накануне освобождения, был вновь осужден и попал в джезказганский каторжный лагерь.

А начался его тяжкий путь в 1938 году. Член корреспондент Академии архитектуры и ее проректор Г. М. Людвиг был обвинен в шпионаже в пользу трех разведок – фашистских (Германии и Италии) и Ватикана. Прошел через зверские пытки во внутренней тюрьме Лубянки, а затем в Лефортово. Двадцатилетний путь по лагерям он начал с общих работ среди уголовников на строительстве канала Москва-Волга, а закончил на поселении в Караганде.

Друзья по несчастью вспоминают Г. М. Людвигу, увлеченно рисующего орнаменты разных народов, с рассказами об их символике. В за-

¹⁷ В недавнее время появилась интересная публикация В. Кючарьянца, дополняющая биографию Г. М. Людвигу. Кючарьянец (2011: 46–51). См.: <http://www.n-i-r.su/modules.php?name=AvantGo&op=ReadStory&pid=317>

ключении не сходили ни показная беспечность, ни фальшь чувств – люди раскрывались до конца. В стихотворении 1953 года, посвященном Г. М. Людвигу, его товарищ по работе, поэт Ю. В. Грунин написал: „Я друга такого едва ли найду / Профессор не дрогнул в годах этих лю-тых”.¹⁸ В 1952 году Г. М. Людвиг сослали в Караганду. По его проектам построены жилые дома, объекты в Темир-Тау.

В 1959 году Г. М. Людвиг вернулся в Москву, полностью реабилитировав, вернув звание и должности. Но время ушло, по его проектам ничего более не выстроили выдающегося. Однако он с успехом преподавал, подготовил фундаментальное исследование символики архитектурных форм.

В джезказганском лагере Г. М. Людвиг оказался вместе с известнейшим архитектором Л. Н. Мейльманом, который был по матери (Е. Д. Бронштейн) племянником Л. Д. Троцкого и жены Л. Б. Каменева (О. Д. Бронштейн). Судьба сводила их несколько раз: в стенах МВТУ, где они учились, на стройке канала Москва-Волга, где Г. М. Людвиг был на общих работах, а Л. Н. Мейльман осуществлял авторский надзор. И, наконец, уже на равных, в проектном бюро каторжного лагеря в Кенгире. Впрочем, подобные переплетения судеб были нередки, как позволяют судить печальные хроники тех лет, например воспоминания Н. Мандельштам.

В чем была их вина? Скорее всего, срабатывали те же пружины, что и в судьбах других страдальцев страшной эпохи „кары и награды”. Сигналом могла быть невинная газетная заметка „Кому доверена архитектура столицы?”,¹⁹ которая, по сути, была чистой воды доносом, повлекшим серию арестов в архитектурных организациях Алма-Аты.

За перечнем фактов и дат – судьбы людей, не реализовавших себя до конца. Все они давно реабилитированы, но историческая справедливость требует документального опровержения ложных обвинений, восстановления их творческих биографий.

Библиография

- Адельгужин 1992 = Адельгужин, А.: „История не белое пятно”, *Огни Алатау*, 26 V (1992): 2.
- Беловол 2008 = Беловол, А. А.: „Создание и развитие северных городов Коми АССР в конце 1920-х-середине 1950-х годов”, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Чебоксары 2008.
- В паутине 1930 = „В паутине лесов”, *Советская степь*, 8 IX (1930).
- Гальцева, Тимохин 1938 = Гальцева, А., Тимохин, П., „Кому доверена архитектура столицы?”, *Казахстанская правда*, 6 VI (1938).
- Грунин 1992 = Грунин, Ю.: „Спина земли”, *За медь*, 3, 13–19 I (1992).
- История репрессий 1991 = *История репрессий в Казахстане после 1917 года*, Научно-практическая конференция, 21–22 ноября 1991, программа и тезисы докладов, Добровольное историко-просветительское общество „Адилет”, Институт истории и этнологии АН КазССР, Общество „Знание”, Алма-Ата 1991.
- Королев, Денисов 1938 = Королев, М., Денисов, Д.: „Джезказган”, *Архитектурная газета*, 43, 3 VIII (1938): 1.
- Кючарьянц 2011 = Кючарьянц, В[ладимир]: „Миры профессора Людвиг”, *Наука и религия*, 10 (2011): 46–51.
- Малиновская 1984 = Малиновская, Е[лизавета] Г.: „К истории создания Национального театра для города Алма-Аты”, *Проблемы синтеза искусств и архитектуры: тематический сборник научных трудов*, выпуск XVII (1984): 20–21.
- Малиновская 2004 = Малиновская, [Елизавета] Г.: „Социально-культурные аспекты репрессий в архитектуре” [в:] *КГБ: вчера, сегодня, завтра*, Е. Ознобкина, О. Боярская (ред.), III Международная конференция, 1–3 октября 1993, доклады и дискуссии, Издательство „Знак СП”, Москва 1994: 200–205.
- Малиновская 2006 = Малиновская, [Елизавета] Г.: „Современная архитектура” [в:] *Свод памятников истории и культуры города Алматы*, И. Тамагамбетов (ред.), Алматы 2006: 143–149.
- Малиновская 2011 = Малиновская, [Елизавета] Г.: „Соцгород «Большая Алма-Ата» как важнейшая страница истории советского зодчества 1920–30-х годов. Проектная и градостроительная практика, конкурсы, группировки, имена”, *Искусствознание*, 3–4/11 (2011): 276–314.
- Мостаков 1936 = Мостаков, А.: „Новый город в казахской степи”, *Архитектурная газета*, 28 VI (1936): 2.

¹⁸ Полный текст стихотворения был опубликован в книге *Среди других имен* (поэзия ГУЛАГа), Москва 1991.

¹⁹ Гальцева, Тимохин (1938).

- Проскурин 1992 = Проскурин, В.: „Зодчество под сапогом”, *Казахстанская правда*, 107, 12 V (1992): 3.
- Слабуха 2004 = Слабуха, А[лександр] В.: *Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX-начало XXI века*, Москва 2004.
- Сталин 1951 = Сталин, И[осиф] В.: „Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года” [в:] *Сочинения*, И. В. Сталин (авт.), Т. 13, Государственное издательство политической литературы, Москва 1951: 51–80
- Чегодаева 1993 = Чегодаева, М.: „Репрессированная архитектура”, *Московские новости*, 25, 20 VI (1993): 5.

Elizaveta G. Malinovskaya

Repressive Polish architects in Kazakhstan

Some Polish architects were victims of Stalin's repressive regime.

Yan Stankevich [Jan Stankiewicz] came to Almaty in 1934. He projected administrating and dwelling houses, schools, a large summer cinema, the building of a medical institute hostel, the holiday home of Kazakh government in the suburb of Almaty. Y. Stankevich was arrested and executed (31.01.1938).

V. Maуstratski was deported to Almaty from Far East. In 1937 he was arrested again. For ten years he was in “Karlag” concentration camp. After that he became a prisoner in one of north concentration camp.

The world famous architecture Genrikh Lyudvig [Henryk Ludwig] finished the institute in Warsaw. He worked in some project organizations in Moscow. In Ankara he built the President's Palace. In 1938 he was arrested. In Kazakhstan was in “Kengir” concentration camp. Then he was exiled to Karaganda, where he worked in one of architecture organizations. He returned to Moscow only in 1960th.